

ЗА
СЧАСТЬЕ
НАРОДНОЕ

За счастье народное

Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье

Южно-Уральское книжное издательство

Челябинск

1969

Общественная редакционно-составительская коллегия: Кандидат исторических наук Б.Н. Чистов, П.К. Десятерик, генерал-полковник в отставке М.А. Шалин, Г.П. Липов, С.В. Мелентьев.

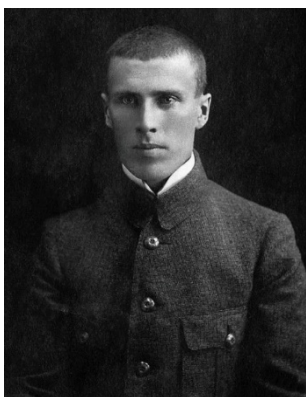
В книге «За счастье народное» продолжается публикация воспоминаний активных участников гражданской войны в Оренбургской губернии.

Воспоминания, вошедшие в этот сборник, сообщают ряд новых фактов, характеризующих борьбу трудящихся за власть Советов, против контрреволюционных войск Дутова. «Самарской учредилки» и Колчака, содержат много ранее неизвестных подробностей о действиях отдельных частей и соединений, о партийно-политической работе в Красной Армии, среди прифронтового населения и в тылу противника.

В предисловии к книге освещаются главным образом военные вопросы истории гражданской войны в Оренбургской губернии, а также комментируются статьи авторов настоящего сборника.

Материалы этого сборника подготовлены Военно-историческим обществом при Центральном музее Вооруженных Сил СССР и архивным отделом Оренбургского облисполкома на общественных началах.

Книга адресуется самым широким кругам читателей, интересующимся славными революционными традициями нашего народа, историей гражданской войны в Оренбуржье.

Цвиллинг Самуил Моисеевич (1891–1920). Член Коммунистической партии с 1906 года. Весной 1906 года был арестован за распространение листовок и сбор средств на нужды РСДРП. В начале 1907 года являлся одним из руководителей боевой дружины Томского комитета РСДРП. В октябре 1907 года арестован и осужден на четыре года тюремного заключения. В 1912 – 1916 годах вёл партийную работу в Тобольске, Екатеринбурге и Троицке. В 1917 году – руководитель Челябинской организации РСДРП(б), председатель Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Уральского областного комитета РСДРП(б). После

Октябрьской революции – комиссар Советского правительства в Оренбургской губернии, председатель Оренбургского Военно–революционного комитета, председатель Оренбургского губисполкома. Погиб 2 апреля 1918 года в станице Изобильной в бою с белоказаками.

Дутовская контрреволюция организована на деньги Оренбургской буржуазии. Эти деньги даны буржуазией для того, чтобы здесь была организована беспощадная борьба со смертельными врагами - большевиками и Советской властью.

Ещё до моего приезда, когда в Оренбург пришло известие, что в Петрограде свергнут Керенский, вся власть в Оренбурге перешла к Дутову. Правда, номинально власть перешла не к Дутову, а так называемому «комитету спасения родины и революции», который состоял из представителей эсеров, меньшевиков, кадетов и других «социалистических» и «демократических» партий, но фактически все они являются простыми пешками в руках атамана Дутова, возглавляющего эту «милую компанию». Первым проявлением этой власти было закрытие в самый разгар избирательной компании нашей большевистской газеты. Вместе с закрытием газеты был арестован и редактор газеты Коростелёв. Он просидел под арестом всего два часа, так как по настоянию Оренбургского гарнизона и рабочих Дутов принужден был его освободить.

На другой день был закрыт большевистский клуб. С закрытием клуба мы нашу работу не остановили, а наоборот, стали вести её с удвоенной энергией. В цирке при огромном стечении народа были устроены два доклада, в которых мы открыто разоблачили контрреволюционную политику Дутова и соглашательских партий. Третий доклад состояться не мог, ибо цирк был оцеплен и никто в него не пропускаялся. Начались аресты...

Во всех постановлениях об арестах участвовали правые эсеры и меньшевики. Совету было предложено в категорической форме признать власть «комитета», иначе за последствия они не ручаются. Совет отказался. Тогда арестовали Коростелёва и других. Среди рабочих начались волнения. 12 ноября в Оренбург приехал Кобозев, который сообщил о предполагаемом наступлении на Оренбург революционных солдат соседних городов. Мы стали готовиться к бою: устроили перевыборы Совета, которые дали обычный успех большевикам, и организовали Военно–революционный комитет, который постановление, что отныне весь гарнизон переходит в его распоряжение. Но Дутов решил первым открыть бой. Всё здание, где помещался Совет, было оцеплено казаками и туда ворвались юнкера (казаки отказались идти внутрь здания). В это время в Совете шло заседание, на котором

присутствовали члены исполнительного комитета, железнодорожного стачечного комитета и Военно-революционного комитета. Все они были арестованы. Из арестованных были выделены трое – я, делегат на Всероссийский съезд Советов, Корнилов и Макарова, которых повели отдельно. По приезде меня бросили в какое-то помещение, где на меня набросилась целая свора юнкеров и началось избиение. Били нагайками, прикладами и револьверами...

Когда я окровавленный протёр глаза, то увидел, что в комнате присутствует целый ряд видных меньшевиков и правых эсеров. Избиение, оказывается, происходило у них на глазах, и они хладнокровно наблюдали, как били социалиста и даже пальцем не пошевелили, чтобы прекратить это издевательство. Правда, после избиения они послали в аптеку за микстурой, но я от этой «любезности» господ «социалистов» отказался.

Когда я узнал, что меня собираются куда-то увезти, я обратился к Дутову с вопросом: гарантирует ли он мне, что надо мной не будут снова издеваться? После долгих указаний, что он не власть, а только исполнитель воли «комитета спасения», который состоит из «социалистов», он при мне же позвал казаков и отдал им строгий приказ, чтобы больше ничего подобного не повторялось. Приказание Дутова было исполнено и меня больше не трогали. Я был увезён в станицу Павловскую, находящуюся в 20 верстах от Оренбурга. В станице я был встречен как разбойник, толпа разъярённых казаков требовала надо мной самосуда...

Но вскоре отношение ко мне в корне изменилось. Один какой-то благоразумный казак уговорил толпу прежде чем что-нибудь против меня предпринимать, спросить меня, кто я такой и за что меня преследуют. Я начал объяснять. Около избы стало собираться собрание. Лёд был сломан и через несколько между нами наладились самые дружественные отношения. Ежедневно у меня собирались станичники, которым я читал и объяснял принесённые ими газеты. Такие же точно картины наблюдались и в других станицах, куда были водворены наши товарищи...

Начатая забастовка разрасталась и превратилась во всеобщую. Под напором этого движения нас перевели в Оренбургскую тюрьму.

Сидеть без дела, в то время когда кругом так нужны работники, было очень тягостно. Мы решили бежать. Тюрьму прежде охраняли казаки, но затем они отказались. После них были поставлены офицеры, но и они отказались охранять большевиков.

Тогда нас поручили «ударникам» и «белой гвардии», состоящей из подонков общества и учеников местных средних школ. Разделившись на три группы, мы обезоружили стражу, заперли её в одной из комнат и, положив у двери свёклу, погрозили, что в случае, если они попробуют отворить дверь, то «бомба» разорвётся и они погибнут. Побег удался блестяще. Убежали все 32 человека. Часть из них немедленно уехала, а другая совершенно свободно ходит по городу, ибо Дутову теперь не до них.

Я узнал, что в момент, когда мы бежали, шло заседание «комитета спасения», и когда ему было доложено, что из тюрьмы бежали арестованные, то председатель Барановский воскликнул: «Последние деньки доживаем – большевики бежали».

В это время среди казаков начались волнения. 4-й и 13-й Оренбургские казачьи полки отказались подчиняться Дутову. Против нас согласились выступить юнкера, «белая

гвардия» и офицеры. Нас было около полутора тысяч человек всех родов оружия. Был организован Ударный революционный отряд, который шёл впереди проявлял чудеса храбрости. Станицы нас встречали хлебом – солью. Много станций и разъездов было взято без боя, но затем нас стали встречать пулемётным огнём и артиллерией. Всё несчастье заключалось в том, что мы не закрепили занятые нами позиции, благодаря чему одна из станиц нас встретила весьма радушно и вручила Приговор, что против нас выступать не будет, но изменила нам. Мы стали замечать, что нас окружают, и решили временно отступить. Отступать приходилось с боем. Пути позади нас оказались разобранными. Мы их восстановили и прорвались.

С.В. МЕЛЕНТЬЕВ. В суровые годы

Мелентьев Семён Васильевич. Родился в 1893 году. Член КПСС с августа 1917 года, активный участник борьбы за Советскую власть в Оренбургской губернии. В 1918 году - председатель Акбулакского ревкома, политработник штаба Туркестанской армии в районе Актюбинска. В 1919 году председатель ревкома Илецкой Защиты, затем райисполкома, участник обороны Оренбурга. С августа 1919 года по март 1921 года - председатель Соль-Илецкого райисполкома. В дальнейшем находился на партийной и хозяйственной работе. Персональный пенсионер.

ПОБЕДА НА СЪЕЗДЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Ко времени Октябрьского вооружённого восстания я работал в железнодорожном депо на станции Акбулак. На собрании Акбулакских железнодорожников острая борьба развернулась вокруг выбора делегата на 2-й Съезд железнодорожников Ташкентской железной дороги. Делегатом избрали меня. Съезд проходил в Оренбурге. Работа его совпала с победой Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. Но в Оренбурге власть была захвачена атаманом Дутовым, поддерживаемым кулацко-офицерской верхушкой Казачества и буржуазией, а также меньшевиками и эсэрами. Дутов ввёл в городе режим жёсткого Белого террора, а меньшевики и эсэры из кожи лезли вон, чтобы расположить трудящихся в пользу диктатора. Социал-предатели намеревались поставить на службу Контрреволюции и 2-й Съезд. В результате они имели 85 делегатов, а большевики только 22. На первое же пленарное заседание съезда прибыли атаман Дутов и губернский комиссар Временного правительства эсер Архангельский. Последний выступил с антисоветской речью. Соглашатели были уверены, что им легко будет повести за собой Съезд. Но наша большевистская фракция оказала им упорное сопротивление, не уставая разоблачала предательскую политику правых социалистов. Мы встретили выступление Архангельского обструкцией и не давали ему говорить, потребовали ухода его с трибуны. Заседание было прервано. Когда оно возобновилось, председатель меньшевик Гудович хотел снова предоставить слово эсеру Архангельскому. Но наша большевистская фракция решительно протестовала против его новой речи. Эсеры и меньшевики вскочили с мест, схватились за стулья, готовые броситься на нас. Но мы, несмотря на угрозу расправы, продолжали кричать: "Долой с трибуны предателя рабочего класса!". Дутов, сидевший в первом ряду, встал, повернулся в нашу сторону и угрожающим тоном заявил: "Господа большевики, если вы не прекратите шум, то я вас предупреждаю, завтра вы не

досчитаетесь кое-кого из своих рядов". Но и прямая угроза не испугала большевистскую фракцию. Делегат Н.В. Шумилов предложил послать от Съезда железнодорожников Ташкентской дороги Приветственную телеграмму Рабоче-Крестьянскому правительству. Меньшевистско-эсеровское большинство Съезда отклонило предложение большевиков. Тогда товарищ Шумилов заявил, что телеграмма всё же будет послана от имени большевистской фракции. Съезд избрал исполнительный комитет, в состав которого вошли в большинстве эсеры и меньшевики. После этого мы, делегаты-большевики, на своём коротком заседании выразили недоверие эсеро-меньшевистскому исполкому и потребовали срочного созыва нового, 3-го Съезда железнодорожников Ташкентской дороги. Было проведено также совещание членов большевистской фракции с представителями Оренбургского Совета рабочих депутатов и большевистской организации, на котором обсуждался вопрос о вооружённом выступлении рабочих против дутовцев. Большевистское меньшинство Съезда, выполняя свой революционный долг, своими смелыми выступлениями разоблачило позорный сговор меньшевиков и эсеров с монархистом Дутовым. Этим большевики отвоевали на свою сторону значительную часть делегатов Съезда. Многие прежние сторонники соглашателей уезжали со Съезда сторонниками Советской власти. Выступления большевиков на Съезде имели ещё больший отклик в массах железнодорожников. Опираясь на эту поддержку, большевики неустанно требовали созыва нового Съезда железнодорожников, высказывая твёрдую уверенность, что он даст победу сторонникам Советской власти. По возвращении в Акбулак на общем собрании железнодорожников я сделал доклад о победе революции в центре, об итогах 2-го Съезда железнодорожников, о положении в Оренбурге. Выступал также на собрании Акбулакских солдат-фронтовиков. И рабочие, и солдаты с горячим энтузиазмом встретили сообщение о победе революции в центре страны. Единодушным было требование о разгоне Дутовской шайки в Оренбурге и поддержке всеобщей политической стачки Оренбургских рабочих. Рабочими Акбулака была направлена в Оренбург следующая телеграмма: "На общем собрании служащих, мастеровых и рабочих службы тяги Акбулака, заслушав доклад товарища Мелентьева о течении забастовки в Оренбурге в связи с арестом наших товарищей и не освобождённых до сего времени, Постановили: прекратить работу с 25 ноября 1917 года впредь до освобождения товарищей из под ареста. Об освобождении сообщите. Председатель общего собрания Мелентьев. Секретарь Насонов". Распространение стачки на Акбулакский участок ещё более ограничило территорию дутовцев и срывало их мероприятия. Рабочие Ташкентской дороги требовали немедленного созыва 3-го Съезда железнодорожников. Соглашательский исполком дороги не смог противостоять всеобщим требованиям и вынужден был пойти на созыв нового Съезда. В конце ноября на общем собрании железнодорожников Акбулака меня избрали на 3-й Съезд железнодорожников Ташкентской дороги. Он собрался в начале декабря в Оренбурге. Состав делегатов теперь уже был иным: большевики имели 87, эсеры и меньшевики только 18 мандатов. Съезду грозило нападение дутовцев. Поэтому на первом заседании по предложению большевиков было решено перенести работу Съезда в Советский Бузулук. "Принимая во внимание, - говорилось Постановлении Съезда, - что в контрреволюционном гнезде Дутова продолжать работу Съезда невозможно, перенести его для плодотворной работы в Бузулук и обязать начальника дороги предоставить для делегатов вагоны и паровоз". Делегаты Съезда выехали в Бузулук. Помню, что в пути мы удивлялись, как это Дутов не арестовал наш Съезд. А дело было в том, что Дутовский режим

уже слабел. Оренбургские рабочие бастовали второй месяц, их поддерживало большинство рабочих и служащих Ташкентской дороги.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ ПРОТИВ ДУТОВЩИНЫ

Начав свою работу в Бузулуке, 3-й Съезд железнодорожников призвал всех бастующих рабочих, мастеровых и служащих продолжать забастовку до окончательной победы над врагами рабочего класса. На очередном заседании Съезда с докладом выступил чрезвычайный комиссар Советского правительства П.А. Кобозев. Затаив дыхание, мы слушали о революционных событиях в Петрограде, о победе революционного пролетариата. Работа Съезда проходила с высоким революционным подъёмом. Главным вопросом стал вопрос о разгроме дутовщины. В Бузулуке в это время шло собирание сил Красной гвардии и готовилось наступление на дутовцев, захвативших Оренбург. Съезд призвал железнодорожников немедленно присоединить свои силы к советским отрядам. В середине декабря в Бузулук прибыли бежавшие из дутовской тюрьмы члены Оренбургского Военно-революционного комитета во главе с С.М. Цвиллингом. Самуил Моисеевич рассказал Съезду о героической забастовке Оренбургского пролетариата, решившего не возобновлять работу до прихода Красной гвардии. По окончании Съезда делегаты взяли винтовки и включились в ряды бойцов. Под руководством П.А. Кобозева и С.М. Цвиллинга красногвардейские отряды двинулись от Бузулука в наступление на Оренбург. Мне и группе красногвардейцев пришлось ехать до станции Новосергиевская в вагоне с товарищем Кобозевым.

БОЕВЫЕ ЗАДАНИЯ

С восхищением наблюдал я за энергичной деятельностью П.А. Кобозева, казалось, не знавшего усталости. Он отдавал распоряжения, проверял их исполнение, не раз сам двигался впереди наступающих, показывая пример мужества и решимости. Мне довелось присутствовать П.А. Кобозевым по телеграфу со станции Новосергиевка ультиматума Дутову в Оренбург. Кобозев требовал передачи власти в руки Советов. Ответа от Дутова, как известно, не последовало. После этого Кобозев обратился ко мне: - Товарищ Мелентьев, даю Вам боевое задание! Вы сами видите, что наши эшелоны с демобилизованными из старой армии, скопляющиеся в нашем тылу, представляют огромную опасность для нашего дела. На станции Новосергиевка их скопилось до десятка и каждый день прибывают новые. Белогвардейские офицеры и проникающие в эшелоны дутовцы провоцируют солдат на вооружённое выступление против нас под предлогом, что мы не пропускаем их дальше. Надо устранить эту угрозу, изъять из эшелонов белогвардейцев. В эшелонах много вооружения и оно нам нужно. Задание было сложное. Многотысячная толпа офицеров и солдат угрожающе требовала отправки эшелонов на Оренбург. Начальник станции заперся у себя в кабинете и не выходил. Наши попытки успокоить толпу ни к чему не приводили. Провокаторы действовали вовсю. Кобозев в своём вагоне уже отбыл со станции. Тогда мы соединились по аппарату с С.М. Цвиллингом, находившимся на передовой позиции и сообщили ему обстановку. С.М. Цвиллинг ответил, что немедленно выезжает на станцию Новосергиевка. Через три часа он прибыл на паровозе в товарном вагоне. У станции на путях к этому времени собралось до шести тысяч солдат, не знавших, что им делать, кого слушать. С.М. Цвиллинг обратился к ним с паровоза. Пламенный оратор нашёл пути к сердцам солдат. Он напомнил, что большевики вели их на свержение царизма, и правительства Керенского, привели к победе Советской власти,

разоблачил контрреволюционные замыслы белогвардейщины и подлую роль провокаторов, толкающих солдат против Красной гвардии. Смелое большевистское выступление товарища Цвиллинга произвело сильное воздействие на солдат. Не раздалось ни одного протестующего голоса. Солдаты помогли нам арестовать офицеров, занимавшихся антисоветской агитацией. Некоторое число солдат изъявило желание вступить в красногвардейские отряды и принять участие в освобождении Оренбурга от дутовщины. Наша группа Красногвардейцев, выполняя указание товарища Цвиллинга, организовала разгрузку станции. Первое наступление Красной гвардии на Оренбург окончилось неудачно. Наша группа отошла из Новосергиевки вместе со всеми к Бузулуку. Началась подготовка второго наступления, для которого группировались более серьёзные силы. В связи с этой подготовкой товарищ Кобозев вновь вызвал меня к себе. Встретил он меня, как хорошего знакомого, и сказал: - Даю вам новое боевое задание. Необходимо связаться с Ташкентским красногвардейским отрядом,двигающимся против Дутова с юга. Надо информировать его командира о нашем наступлении от Бузулука, чтобы согласовать действия. Для этого вам придётся пробраться в район Актюбинска нелегально через Оренбург. Другого более короткого пути нет... П.А. Кобозев дал мне письмо для передачи командиру Ташкентского красногвардейского отряда.

В АКБУЛАКСКОМ РЕВКОМЕ

3 января 1918 года я выехал из Бузулука с одним, пропущенным для этой цели, эшелон. На станции Оренбург белогвардейцы строго проверяли каждый вагон с демобилизованными солдатами, отбирая у них оружие. Проверка для меня прошла благополучно. Вскоре эшелон пропустили дальше. В Акбулак прибыли ночью. Выяснил, что Ташкентский красногвардейский отряд стоит на станции Яйсан. В Акбулаке находилась белоказахья застава, дальше, в сторону Ташкента, территория "дутовского царства" кончалась. Дутовцы пропустили наш эшелон, а через два часа он был на станции Яйсан. Здесь я нашёл командира отряда и подробно информировал его о подготовке наступления на Оренбург со стороны Бузулука. - Завтра же наступаем на Акбулак, - заявил командир отряда. - Надеюсь, будете участвовать в этом деле! - я охотно согласился. 9 января мы освободили от дутовцев Акбулак. Железнодорожники и солдаты-фронтовики встретили нас восторженно. В тот же день было организовано общее собрание железнодорожников и фронтовиков. Я сделал доклад о работе 3-го Съезда железнодорожников Ташкентской дороги, рассказал о помощи этого Съезда товарищу Кобозеву в борьбе с дутовщиной. На этом собрании был создан Акбулакский революционный комитет. Меня избрали его председателем. Из добровольцев железнодорожников и солдат-фронтовиков организовали красногвардейский отряд. Опираясь на него, мы подавляли сопротивление кулачества не желавшего выполнять постановления ревкома. Деятельность Акбулакского ревкома и наступление красногвардейцев с юга создали немало трудностей для Дутова и ускорили поражение белогвардейщины в Оренбурге. В ночь на 31 января атаман Дутов под напором красных войск бежал из Оренбурга. Акбулакская волость входила в Актюбинский уезд Тургайской области, но Акбулакский ревком имел теснейшую связь с Оренбургским Военно-революционным комитетом, от него получал руководящие указания. Из сёл и деревень Акбулакской волости приезжали крестьяне-делегаты в ревком с просьбами оказать помощь в установлении у них Советской власти. Всюду сельские и волостные собрания принимали приветствия Рабоче-Крестьянскому правительству. Декреты о Мире и Земле создавали Советской власти огромный авторитет. В начале марта собрался

Акбулакский волостной съезд Советов рабочих, солдатских и мусульманских депутатов. Решения об установлении Советской власти в волости принимались съездом с полным единодушием. Между тем, обстановка в районе обострялась. Богатые казаки и кулаки-крестьяне не хотели сдавать продовольствие Советской власти по государственным ценам, а продавали его по ценам, взвинченным спекулянтами и мешочниками. Классовые враги пытались использовать продовольственные трудности для возбуждения населения против Советской власти в целях её свержения. То же самое происходило и в районе Илецкой Защиты. Там развернулись настоящие кровавые бои. Ещё до волостного съезда Советов имелось указание Оренбургского Военно-революционного комитета о переводе меня на работу в Илецкую Защиту. Но переехать туда я ещё не успел. Однажды оттуда поступила телеграмма о гибели председателя Совета большевиков товарища Персиянова. Он с небольшим отрядом красногвардейцев выезжал в станицу Мертвецовскую и Ветлянскую для установления у них Советской власти. Контрреволюционные казаки и кулаки напали на отряд и зверски изрубили товарища Персиянова и красногвардейцев. Ревком Илецкой Защиты просил оказать помощь в подавлении контрреволюционного мятежа. Акбулакский Совет организовал небольшой отряд, с которым я выехал в Илецкую Защиту. Приезд нашего отряда совпал с приездом туда из Оренбурга красногвардейского отряда во главе с С.М. Цвиллингом. После краткого заседания в Совете Самуил Моисеевич взял на себя руководство отрядами. Выступления Цвиллинга в Совете свидетельствовали, что он не ожидал серьёзного сопротивления в казачьих станицах. Он недооценил врага, и эта ошибка стала роковой.

В БОЮ

С.М. Цвиллинг разделил собранные силы на три группы и двинул их в направлении станиц Мертвецовской, Ветлянской, Изобильной. В середине по санному пути шёл отряд во главе с С.М. Цвиллингом. В него вошли и красногвардейцы Илецкой Защиты и Акбулака. Две группы двигались во флангах. Мне пришлось идти на правом фланге. Снега ещё лежало много. Идти было трудно. Поздно ночью мы вышли на санный путь. Утром стали продвигаться на Изобильную. Вдруг видим: от станицы бегут красногвардейцы. Некоторые мчались на санях, крича о гибели товарища Цвиллинга. Озверевшие белые казаки нагоняли бежавших и зверски рубили их. Мы немедленно открыли ружейный огонь по преследователям и прикрыли отход остатков отряда Цвиллинга. Вместе ними мы стали отходить в сторону от дороги. Глубокий снег не давал возможности верховым белоказакам настигнуть нас. В бою погибли Акбулакские красногвардейцы Васильев - рабочий депо и Васильев - телеграфист станции и другие. Мы отступили на станцию Илек. Здесь узнали, что Белое казачество станиц Григорьевской и Угольной готовится к нападению на Акбулак. Пополнив красногвардейский отряд новыми добровольцами из железнодорожников, мы стойко отбивали попытки белых захватить посёлок, удерживали этот пункт на дороге Оренбург - Ташкент вплоть до эвакуации Советских войск из Оренбурга. В первых числах июля вместе с Оренбургскими рабочими отрядами мы с ожесточёнными боями отступили в сторону Актюбинска. Наш отряд послужил ядром для образовавшегося позднее Илецкого полка.

АКТЮБИНСК - САМАРА

В Актюбинске по заданию Агитационного отдела штаба фронта мы, агитаторы, вели разъяснительную работу, призывая трудящихся вступать в ряды Красной Армии, укреплять

Советы на местах. Крестьяне с огромным воодушевлением встречали Призыв в Красную Армию. Это был добровольный Призыв, и всё же тысячи крестьян, молодых и пожилых, являлись в военный штаб. У всех было одно стремление - разгромить скорее Контрреволюцию. В конце ноября по заданию Агитационного отдела штаба фронта я проводил работу по организации коммунистических ячеек в отрядах, полках. Наиболее активные товарищи вступали в ряды партии большевиков. Всё это было подготовкой к освобождению Оренбурга. Перед наступлением на Оренбург Агитотдел прикомандировал меня к Илецкому полку, который находился на станции Мартук. В первый же день было организовано общее собрание коммунистов. Я доложил о передовой роли членов партии в войсках. Для постановки систематической партийной работы собрание создало полковой партийный комитет. В него были избраны А.О. Ерошенко, Кутепов и Сорокин. Настроение в полках и отрядах на Актюбинском фронте было превосходным. Получая сведения из штаба фронта, мы информировали бойцов об успешных действиях частей Восточного фронта и об укреплении молодой Советской республики. После этого усилился приток бойцов в ряды Коммунистической партии. В декабре наши войска двинулись в решительное наступление. 6 января 1919 года с боем заняли Акбулак, затем Илецкую Защиту. 22 января части Красной Армии, наступая со стороны Самары и со стороны Актюбинска, заняли Оренбург. Дутов был изгнан из города навсегда. Оренбургский губком партии предложил мне остаться работать в Илецкой защите. Мы развернули политическую работу организовали горсовет. Но и на этот раз мирная работа продолжалась недолго. Весной активизировались колчаковцы, оживилось контрреволюционное казачество. Для подготовки обороны города был организован революционный комитет. Меня избрали его председателем. Положение под Оренбургом сложилось напряжённое. Ревкомом были получены телеграммы из Оренбурга от Реввоенсовета 1-й армии и губисполкома об эвакуации ценностей, о подготовке к полной эвакуации. Обстановка вынуждала оставить Илецкую Защиту. Готовясь к эвакуации, мы развернули широкую работу по пополнению частей Красной Армии. За короткое время в городе сосредоточилась масса крестьян, добровольцев, особенно много из Актюбинского уезда. Революционные крестьяне не желали оставаться на территории, занимаемой белыми, и предпочитали сражаться с ними. Формирование частей шло в Оренбурге, туда мы отправляли добровольцев. Вагонов на железной дороге было недостаточно, часть добровольцев шла пешком. Илецкий полк мы формировали, вернее пополняли, у себя. Начало его шло от партизанского отряда, который теперь превращался в регулярную часть. В полк влилось до 250 добровольцев из горожан: рабочих, служащих, бывших фронтовиков. Командиром полка был С.И. Светочев. Он обратился в ревком с предложением добиться разрешения Реввоенсовета 1-й армии об оставлении полка для защиты города. На оставлении полка в городе для решительного боя с белогвардейцами настаивали командиры и бойцы. Я связался по телеграфу с Оренбургом. К аппарату подошёл командующий 1-й армией товарищ Гай, который дал указание удерживать Илецкую Защиту до последней возможности, даже в случае взятия Оренбурга противником. Но наступление колчаковской армии усилилось. Мы оказались под угрозой окружения. Поэтому из Илецка нам пришлось всё же отступить в сторону Оренбурга. Потом Илецкий полк вошёл в состав Туркестанской армии, проводившей Бугурусланскую операцию. По распоряжению коменданта станции наш эшелон из Оренбурга был отправлен в Самару. Там комендант станции предложил мне немедленно явиться в штаб Южной группы войск Восточного фронта к товарищу Фрунзе. В штабе М.В. Фрунзе находился член Реввоенсовета Южной группы В.В. Куйбышев. Я доложил, кто мы и

откуда прибыли. Товарищ Куйбышев подошёл ко мне, взял за руку и подвёл к карте, висевшей на стене. — Вот смотрите, товарищ Мелентьев, - сказал он, - на фронте положение резко изменилось в пользу наших войск. Оренбург мы удержали, Колчаку не сдадим. Сейчас будет дано указание, чтобы ваш поезд вернуть в Оренбург. Товарищи М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышев пожали мне руку и пожелали героическому Оренбургскому пролетариату дальнейших боевых успехов. Когда я вернулся на станцию, наш поезд был уже подготовлен к обратному рейсу.

НА ЗАЩИТЕ ОРЕНБУРГА

В Оренбург мы прибыли 5 мая. Полки оренбургских рабочих готовились для переброски в сторону станции Гребени, потому что противник усилил наступление с этой стороны. И.А. Акулов и М.Д. Великанов дали распоряжение об отправке туда и нашего эшелона. У нас было до 250 человек. Многие не имели оружия. Но все товарищи были готовы идти на фронт. Всё было подготовлено, выданы винтовки, и наш Илецкий батальон, так называли его товарищи Акулов и Великанов, прибыл под Гребени. Здесь мы пошли на передовую линию. В ночь белоказаки повели наступление. Завязался ожесточённый бой. Из нашего батальона в нём погибло несколько бойцов, в том числе товарищи Павлов, Сорокин и другие рабочие соляного рудника. Через некоторое время батальон включили в 217-й Оренбургский полк и перебросили к реке Уралу. До 22 мая мы сделали настил на мост, перешли в наступление и отбросили белых за станцию Меновой Двор. В августе началось наступление в сторону Илецкой Защиты. 17 августа город был освобождён от белых.

СНОВА В ИЛЕЦКОЙ ЗАЩИТЕ

После занятия Илецкой Защиты меня отозвали из полка для работы в горисполкоме. Вскоре я был избран его председателем. В первое время после изгнания дутовцев в станицах создавались ревкомы и только в феврале-марте 1920 года были избраны сельсоветы, созван районный съезд Советов. Мне довелось также вести работу председателя райисполкома. Надо было перестраиваться на хозяйственный лад. Трудности были неимоверные. Исполком уделял большое внимание восстановлению местных кустарных предприятий. Много делалось для налаживания гужевого транспорта, так как железнодорожное движение на линии Илецк-Оренбург было разрушено. Большую помощь нам в этой работе, как и в военной борьбе, оказали Оренбургские губком партии и губисполком. Уже 24 августа 1919 года к нам приехали члены губкома партии председатель губсовнархоза Г.А. Коростелёв и губпродкомиссар И.Д. Мартынов, чтобы помочь в налаживании мирной строительной работы. Состоялось объединённое заседание райисполкома, комитета партии, райпродкома. Товарищи Коростелёв и Мартынов в качестве первейших задач трудящихся нашего района выдвинули восстановление добычи соли на Илецком руднике и борьбу за хлеб. Тем и другим наш район должен был помочь не только своему краю, но и всей Советской республике, Красной Армии, добивавшей врагов уже на других фронтах. Забота о соли и хлебе стала главным в работе райисполкома. Обязывая ускорять налаживание добычи соли, губисполком подтвердил Национализацию соляного рудника. Было реорганизовано рудничное управление. Меня ввели в его состав. Приходилось часто выезжать на рудник и выступать перед рабочими, помогать управлению предприятия в решении организационных вопросов. 21 сентября в Илецкую Защиту прибыл М.И. Калинин с агитационно-инструкторским поездом "Октябрьская революция". Мне довелось встречать и сопровождать Михаила Ивановича. Он проявил исключительный

интерес к политическим настроениям рабочих, крестьян и особенно Казачества после разгрома войск Дутова и Колчака на Оренбургском фронте. В центре города на большой площади состоялся многолюдный митинг. Присутствовало почти всё взрослое население, красноармейцы и командиры местного гарнизона, многие пленные казаки-дутовцы. Михаил Иванович подробно рассказал об успехах Красной Армии и о тех трудностях, которые были порождены Гражданской войной и иностранной интервенцией, о путях их преодоления. Он призвал трудящихся всемерно укреплять власть Советов, как свою власть, активнее помогать продовольствием Москве и Петрограду, перейти к мирному строительству. Потом М.И.Калинин выступил во дворе тюрьмы перед пленными дутовскими солдатами и офицерами. Это была беседа, которая развеяла политические заблуждения многих казаков, сражавшихся против власти Советов. Михаил Иванович заявил казакам-старикам, что им нечего делать здесь, отпустил их по домам. Беседа произвела большое впечатление на пленных. Молодые казаки и некоторые офицеры тут же выразили желание добровольно вступить в ряды Красной Армии. Ознакомившись с добычей соли, Михаил Иванович дал указание Сергеевскому заводу отгрузить на наш рудник двести пудов пороха. Развёртывание добычи соли тормозилось отсутствием рабочих рук, главным образом мужских. Почти все рабочие ушли в Красную Армию. В 1920 году райисполком обратился к командованию армии, в которой находился Илецкий полк, об откомандировании на рудник части рабочих. Шла решающая борьба с Врангелем, каждый боец был на счету. И всё же командование армии, учтя важность снабжения республики солью, демобилизовало некоторое число опытных рабочих. Добыча соли в нашем районе пошла лучше. В Илецкой Защите я работал до июня 1921 года, когда, как член губкома, был отозван в Оренбург на партийную работу.

В.Е. ТОКАРЕВ. Бронепоезд имени Розы Люксембург

Токарев Василий Ефимович. Член КПСС с апреля 1919 года. В 1918 году был пулемётчиком бронепоезда. В 1919 году - адъютант, а затем и командир бронепоезда № 10 имени Розы Люксембург. Участвовал в разгроме Южной Армии Колчака и в боях с басмачами в Туркестане. Участник Великой Отечественной войны.

Команда бронепоезда имени Брянского Совдепа начала свой боевой путь в 1918 году схватками с германскими кайзеровскими оккупантами на линии Брянск - Киев. Послужной список команды был продолжен затем в составе 1-й Революционной армии в боях против мятежных белочехов. Автор этих строк был тогда пулемётчиком бронепоезда. В начале 1919 года наша команда получила в Нижнем Новгороде новый стальной бронесостав взамен истерзанного вражескими снарядами старого состава. В те дни к нам пришла весть о зверском убийстве в Германии вождей немецкого пролетариата Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Бронепоездники поклялись отомстить за это беспощадным разгромом врагов Советской Республики и назвали бронепоезд именем Розы Люксембург. В Нижнем команда получила замечательное пополнение в лице артиллеристов и пулемётчиков, многие из которых прославились потом меткой стрельбой. Бронепоезд №10 имени Розы Люксембург принял участие в разгроме колчаковцев на линии Волго-Бугульминской дороги. За героизм, проявленный в этих боях, бронепоезд был 20 мая 1919 года награждён Красным Знаменем. В данное время эта реликвия хранится в Центральном музее Вооружённых Сил СССР. На знамени написано с одной стороны: "Стойким бойцам бронепоезда № 10 от РВС Востфронта"; с другой стороны: "Великий труд, твою творим мы волю, Твоих врагов сметём мы на пути Для нашей счастливой доли. Мы красный стяг несём для всей земли!". В двадцатых числах мая бронепоезд во исполнение Приказа командующего фронта М.В.Фрунзе прибыл на станцию Бузулук. Снова мы оказались в составе 1-й армии, в которой состояли в 1918 году. Бронепоезд получил задачу - курсировать на участке Бузулук - Новосергиевка, охраняя железную дорогу от налётов белоказаков. Командиром бронепоезда в то время был П.Т. Чаплыгин. Молодой, волевой и умелый командир, требовательный к себе и подчинённым, он пользовался уважением и любовью команды. От меня, ставшего адъютантом командира бронепоезда, он требовал поддержания самой прочной связи по линии железной дороги. 1 июня бронепоезд перебрали на участок Сорочинская-Новосергиевка с задачей поддерживать непрерывную связь с гарнизонами, расположенными по линии железной дороги. В конце июня бронепоезд прибыл на станцию Оренбург в распоряжение командующего 1-й армии В.Г.Зиновьева. Линия фронта проходила у самого города вдоль реки Урала. Стойкая оборона Оренбурга измотала противника. Советское командование готовило переход наших войск в наступление. В конце июля мы получили Приказ командующего армией о

подготовке к активным действиям. При участии рабочих Оренбургских железнодорожных мастерских была усилена ходовая часть бронеплощадок, их тележек. Раньше у них от артиллерийского огня часто стаканы (спиральные пружины). Внесённые железнодорожниками усовершенствования устранили этот недостаток. В начавшихся вскоре боях ни одна пружина не полетела. Товарищи, мои боевые друзья М. Федорченко, М. Кирсев, В. Янов, В. Васютин, Н. Силаков, М. Жлобичь, А. Моисеев, М. Жижакин, И. Круглов, М. Зайцев, другие артиллеристы и пулемётчики, бойцы и командиры были преисполнены единым горячим желанием скорее покончить с контрреволюцией. Первая боевая задача бронепоезда заключалась в том, чтобы поддержать наступление нашей пехоты в районе Верхние и Нижние Чебеньки. Командир приказал мне организовать рекогносцировку дорожного участка. Наши разведчики обследовали пути вплоть до подходов к позициям белых. Местность у Чебеньков не раз переходила из рук в руки и пути были исковерканы. Надо было обеспечить проходимость бронепоезда и продвижение его как можно дальше. Большую помощь нам в этом оказали товарищи из ремонтно-восстановительного поезда, созданного силами железнодорожников станции Оренбург. Трудились рабочие под пулями белых, бывали при этом и раненые. Начальник железнодорожных мастерских выделил нам машиниста Кучурука, который оказался мастером вождения бронепоезда в боевой обстановке. На рассвете 13 августа бронепоезд с приданным ему 12-м воздухоплавательным отрядом прибыл в район Нижних Чебеньков к месту разобранного пути. Начался огневой поединок с артиллерией противника. Последняя имела более выгодные позиции, она располагалась за холмами и нам видна не была. Бронепоезд же оперировал на открытой местности. Скоро от пристрелки перешли к стрельбе на поражение. Противнику удалось вывести из строя контрольную платформу с запасными частями, а также разрушить полотно дороги в тылу бронепоезда. Для движения бронепоезда остался участок пути длиной всего в полтора километра. Мы посылали свои снаряды за холмы в невидимые вражеские батареи, но очевидно не задевали их. Создалось трудное положение. Наш командир П.Т. Чаплыгин не терялся в таких случаях и умел держать команду в руках. Немедленно он высадил часть команды для восстановления пути в тылу. Одновременно он приказал мне соединиться с командиром 12-го воздухоплавательного отряда, с которым мы имели телефонную связь. - Почему ваши аэростаты не в воздухе? - кричал в трубку П.Т. Чаплыгин. - Быстро поднимайтесь и определите нам месторасположение батарей белых! - Уже поднимаемся, - слышалось в ответ, - ждите корректировку! Наличие воздухоплавательного отряда, как и бронепоезда, являлось нашим значительным техническим преимуществом перед противником. Воздухоплавательный отряд имел на двух пульмановских полувагонах установки с лебёдками для подъёма и спуска аэростатов. Вскоре наши аэростаты были в воздухе, а мы получили по телефону необходимую корректировку огня. Наши артиллеристы Жижакин, Горбунов, Коротков и Круглов обрушили всю мощь артиллерийского огня бронепоезда на батареи противника. Две его батареи были разгромлены беглым огнём четырёх орудий бронепоезда. Огонь бронепоезда был сейчас же перенесён на окопы, где засела пехота противника. Круша укрепления врага, мы поддержали наступление нашей пехоты. Успешные действия бронепоезда и вид аэростатов, назначение которых было всем понятно, воодушевляли красноармейцев, и они уверенно шли вперёд. Чаплыгин подвёл бронепоезд к последнему метру годного для движения пути. Мы перенесли огонь вперёд, поражая убежавших колчаковцев, не давая им зацепиться. Из Оренбурга подошёл ремонтно-восстановительный поезд, который приступил к восстановлению разрушенного

полотна. Находчивость и распорядительность П.Т. Чаплыгина в бою под Оренбургом 13 августа 1919 года позже была высоко оценена командующим Туркестанским фронтом М.В.Фрунзе. Когда бронепоезд выступал из Ташкента на Бухарский фронт, М.В. Фрунзе напомнил об умелых действиях нашего командира в бою под Оренбургом и выразил уверенность в дальнейших успехах. 14 августа бронепоезд был передвинут на станцию Оренбург и стал готовиться к выступлению в сторону Илецкой Защиты. Бойцы поезда и железнодорожники в короткий срок отремонтировали мост через Урал. Наша пехота была уже далеко впереди. Бронепоезду пришлось догонять её. Противник отступал поспешно. Но в нашем тылу оставались разрозненные банды белогвардейцев, пытавшиеся нарушить железнодорожные коммуникации Красной Армии. Бронепоезду была поставлена задача - курсировать от Оренбурга до Акбулака, очищая этот район от остатков белогвардейщины. Разгром Южной армии Колчака открыл путь на соединение с Советским Туркестаном. Первым эшелоном 1-й армии, отправившимся из Оренбурга в Туркестан, являлся наш бронепоезд. В канун Второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1919 года, мы прибыли на станцию Ташкент.

Я.Д. ЧАНЫШЕВ. Татарская бригада

Чанышев Якуб Джангирович. Родился в 1892 году. Член Коммунистической партии с марта 1917 года. Участник Великой Октябрьской Социалистической революции в Казани. Военком Татарской стрелковой бригады на Восточном и Туркестанском фронтах. Делегат 10, 14, и 16 съездов партии. Во время Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, был заместителем командующего армией. Генерал-лейтенант в отставке.

Одной из первых национальных частей, сформированных в Поволжье в 1919 году, была наша 1-я отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада. Она создавалась для отпора наступающим колчаковцам.

Формировалась бригада в городах Поволжья. Штаб бригады, специальные подразделения и 1-й полк сформированы в Казани; 3-й полк - в Алатыре; 2-й полк - в Самаре, артдивизион - в Нижнем Новгороде.

1 июля бригада в составе трёх полков, кавалерийского дивизиона, одной батареи и со всеми специальными подразделениями выступила из Казани в распоряжение Южной группы армий Восточного фронта. В Самаре бригаду встретил М.В. Фрунзе, внимательно беседовал с молодыми бойцами.

- Национальные формирования для нас - не пустая игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов - заявил он, - это серьёзная мера, вытекающая из всего характера нашего государства и определяемая основными принципами нашей внутренней и межнациональной политики. После короткого обучения бригада была отправлена под Оренбург.

Командовал бригадой Юсуф Ибрагимов, прибывший из Москвы, член мусульманской военной коллегии при Народном Комиссариате по военным и морским делам. Начальником штаба бригады был А.А. Тальковский - литовский татарин, бывший капитан гвардии. Комиссаром бригады был Ш.Х. Усманов - талантливый татарский писатель. В дальнейшем его заменил Бакир Белоусов. Начальником политотдела был Карим Хакимов.

22 июня бригада выгрузилась на станции Сырт, Переволоцкая и развернулась по правому берегу Урала по линии станиц: Зубочистенская, Татищево, Черноречье. Нашими соседями были рабочие полки славной 49-й дивизии, которые отстояли Оренбург весной 1919 года. Эти части имели уже опыт борьбы с конницей противника и передавали этот опыт нашим бойцам и командирам.

Бригаде было приказано сменить полки 49-й дивизии, очистить правый берег Урала от мелких подразделений противника и закрепиться на берегу. На другой же день отдельные подразделения бригады получили боевое крещение. Им пришлось отражать разведчасти противника, пытавшиеся ночью переправиться через Урал.

Разведчики нашего 3-го полка побывали на левом берегу Урала и притащили оттуда трёх здоровенных казаков, которые прося... оставить им жизнь, добросовестно рассказали о расположении и о настроениях противника. Пленных казаков мы направили в штаб армии.

6 августа поступил Приказ командующего 1-й армии Г.В. Зиновьева: быть в готовности к форсированию Урала. Задача состояла в том, чтобы стремительным ударом захватить станицы противника на южном берегу Урала - Кардаиловскую, Краснохолмскую, Городищенскую, в дальнейшем выйти на правый берег реки Илек и захватить Илецкую Защиту.

Коммунисты, политработники бригады довели эти задачи до каждого бойца. В ночь с 10 на 11 августа все полки вышли к берегу реки в ожидании сигнала о форсировании.

11 августа. Три часа ночи. Все части "на линии огня". Пушки и пулемёты также у самого берега реки, искусно замаскированы и готовы к открытию огня. Командиры, комиссары, политруки, политбойцы в боевых порядках тихонько беседуют с красноармейцами, подбадривают их и следят, чтобы какими-либо неосторожными действиями не выдать противнику подготовку к форсированию. Категорически воспрещено: громко разговаривать, курить, вставать во весь рост. Виновных в нарушениях этих требований ожидала суровая кара. Прохладно у реки. Над рекой - густой туман. Противоположный берег почти не виден, к тому же там лес. Урал слегка волнуется. Течение быстрое. Кругом абсолютная тишина. Несколько таинственно и тревожно. Трудно предугадать коварство противника. Настроение бойцов и командиров уверенное. Наконец условный сигнал!...

В то же мгновение лодки и самодельные плоты с бойцами быстро отталкиваются от берега и плывут по заданному направлению.

Передовые подразделения всех трёх полков зацепились за противоположный берег, началась перестрелка, а на некоторых участках раздались крики "ура!". Противник застигнут врасплох, он открывает беспорядочный огонь по всему фронту. Но уже поздно, наши части захватили плацдармы. Дело теперь за главными силами - ко времени контратаки противника они должны переправиться. Тяжело было командирам, бойцам,

особенно сапёрам, преодолевать на подручных средствах и рыбацких лодках широкую и быструю реку.

Однако организованность командиров и героизм красноармейцев предлагали всё, и главные силы полков успели вовремя переправиться и отбросить противника, уже начавшего теснить наши передовые части. Белоказики упорно сопротивлялись, переходили в контратаки.

Серьёзные схватки с белой конницей пришлось выдержать нашему 3-му полку, во главе которого были опытный и храбрый командир из Пермских рабочих коммунист Хусаин Мавлютов и комиссар Гали Касымов - бывший унтер-офицер, смелый большевик. Находясь в боевых порядках, они ободряли бойцов и вместе с ними ходили в атаки. Автор этих строк, командуя батареей, совместно с пулемётчиком Сабитовым картечью из пушек и кинжальным огнём пулемётов отбивали неоднократные кавалерийские контратаки.

1-й полк, неся потери под сильным огнём противника, отразив контратаки казачьей лавы, захватил станицу Кардаиловскую, 2-й полк - станицу Городищенскую. Героически вели себя красноармейцы вторых эшелонов этих полков при форсировании Урала. Когда они достигли середины реки, противник открыл сильный огонь, но никто не нарушил боевого порядка, не ударился в панику. Героические сапёры построили мост через реку и обеспечили быструю переброску артиллерии и транспортов с бойцами на левый берег Урала.

Совместные с соседями действия и взаимная выручка сыграли решающую роль в достижении победы над многочисленной конницей противника. Во взаимодействии с нашей бригадой действовала 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии - командиром её был И.О. Турчинов, храбрый, выдержанный и расчётливый военачальник. Своими смелыми налётами он много раз выручал наши батальоны и полки.

Замечательным умелым командиром проявил себя Хуснир Шайхутдинов, командир 1-го полка. Шайхутдинов не боялся окружения конницей, не суетился, а наоборот невозмутимо ожидал приближение конной лавы. Спокойно звучала его команда: "Фланговые роты, ложись!" Через их головы по обходящим частям противника открывали огонь пулемёты. Батарея с открытой позиции уничтожала конницу картечью. Таков был Шайхутдинов, бывший унтер-офицер, батрак из Татарии, умевший подписывать свою фамилию буквами "Шайх...".

Белоказики, почувствовав, что имеют дело с устойчивой пехотой и лихой конницей 3-ей кавдивизии, начали отходить за реку Илек.

13 августа наши полки заняли хутора: Солёный, Колесников, Ирица, Никитовка, Никольский. Каждый полк, посадив один из батальонов на тачанки, преследовал противника, не давая ему оторваться. 17 августа красные полки после горячих схваток с противником заняли Илецкую Защиту, станицы Линёвку и Озёрки. 28 августа к нам в Илецкую Защиту прибыли командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе, член Реввоенсовета 1-й армии В.В. Куйбышев, командующий 1-й армией Г.В. Зиновьев. Был устроен митинг. М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышев поздравили бойцов и командиров с победами и дали высокую оценку действиям частей бригады, отметили образцовое

форсирование Урала, умелый захват крупных станиц, разгром многих кадровых полков противника.

М.В. Фрунзе от имени ВЦИК награждал отличившихся красноармейцев и командиров ценными подарками, именными часами, кожаным обмундированием. Это были самые ценные подарки в те годы. Фрунзе поставил задачи на последующие дни операции, требуя ещё более форсированного наступления в направлении Темира и станции Джурун, приказал овладеть этими пунктами не позднее 10-15 октября.

Он потребовал от нашего командования, чтобы в каждом полку были созданы ударные группы, чтобы наступление велось в глубоких боевых порядках, а не цепями, ибо это замедляло темпы продвижения. - Чтобы своевременно обнаружить скопление белой конницы, - учил Фрунзе, - необходимо организовать более глубокую разведку. Надо лучше охранять фланги боевого порядка, а также свои штабы. Мне Фрунзе дал специальные указания о тактике артиллерии.

- Не бояться конницы противника, - говорил он, - расстреливать её прямой наводкой и картечью из орудий и пулемётов. 29 августа М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышев тепло попрощавшись с нами, отбыли в Оренбург.

Бригада пополнилась свежими и обученными силами из Казани, фронт сократился со 100 до 60 вёрст, подтянулись тылы. Настроение красноармейцев и командиров было приподнятое. Боевые успехи создавали уверенность в скорой победе.

Политотдел бригады (начальник Н. Еникеев, сменивший Хакимова) и военные комиссары полков развернули большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения - казахов, татар, а также среди казачества, призывая их к поддержке Советской власти. Это способствовало укреплению дружбы между населением и частями Красной Армии. Наши бойцы быстро усвоив родственный казахский язык, непосредственно общались с местным населением и устанавливали тесный контакт. Казахи доставляли нам хороших коней для кавалерийских подразделений и артиллерии. За это мы расплачивались или наличными или выдавали расписки, хотя многие отказывались от платы. Казахи своевременно предупреждали нас о скоплении конницы противника, сообщали, в каком направлении он отходит. Многие казахи служили в наших полках и эскадронах в качестве проводников, рядовых бойцов.

30 августа бригада возобновила наступление. Части старались опередить отступающего противника, обойти Актюбинск с запада и раньше захватить Темир и Джурун, что нам и удалось осуществить. 13 сентября части бригады совместно с 1-й кавалерийской бригадой Турчанинова заняли посёлок Перовск, хутор Ново-Украинский, станцию Тамды, посёлок Сергиевский. Утром 14 сентября кавалерийская бригада и 3-й стрелковый полк заняли Темир, выбив оттуда два казачьих полка. Было захвачено много разного оружия, продовольствия, медикаментов и 500 человек пленных. В боях за Темир особо отличились лихие командиры эскадронов 1-й кавалерийской бригады Я.С. Шаробурко, Д.А. Божутин и командир 10-го кавалерийского полка Блюм. Успешные действия частей и соединений 1-й армии, разгром крупных частей противника и захват таких городов как Актюбинск, Тургай, Иргиз, Темир, действенная агитационно-пропагандистская работа политотдела армии и Оренбургского губкома партии окончательно разложили белоказачьи части. Они начали сдаваться в плен.

Лишь самые ярые и злобно настроенные генералы и офицеры продолжали ещё сопротивляться или просачиваться на юг и на юго-запад.

13 сентября в районах станций Мугоджарская и Берчогур произошла наша долгожданная встреча с войсками Туркестана, наступавшими от Аральского моря. Южная армия белых была разгромлена. Советские войска Туркестанского фронта прошли более тысячи километров, преодолевая горы, степи и реки, уничтожив сотни белоказачьих отрядов, полков и дивизий, блестяще завершили важнейшую операцию, расчистили путь в Туркестан.

Совет Рабоче-Крестьянской обороны в Постановлении подписанным В.И. Лениным, объявил благодарность войскам 1-й армии и приказал выдать месячный оклад жалованья каждому её бойцу и командиру. Это событие в войсках было отмечено торжественно, состоялись митинги, встречи, сабантуи для местного населения. Казахи собирались на эти сабантуи за сотни километров. Устраивались концерты артистов, прибывших из Казани, Оренбурга, выступления бригадного театра.

Опыт боевых действий частей бригады против Белого казачества в Оренбургских степях помог нам потом и в борьбе с басмачеством и войсками эмира Бухарского.

С.Л. РУКАВИЦЫН. Воспоминания комиссара

Рукавицын Семён Лаврентьевич (1898-1959). Член КПСС с августа 1917 года. Служил в старой армии. В марте 1918 года прибыл в Оренбург. Заболев тифом, Рукавицын не смог эвакуироваться в Актюбинск в начале 1918 года и остался в Оренбурге на нелегальном положении. По выздоровлении сплотил группу молодых рабочих и организовал бойкот призыва в Дутовские войска. После освобождения Оренбурга от белых войск в январе 1919 года добровольно вступил в 1-й Оренбургский рабочий полк, участвовал в обороне Оренбурга. В июне 1919 года назначен помощником военкома, а потом военкомом 439-го полка 49 дивизии. После гражданской войны до 1934 года находился на политической и оперативной работе в войсках и органах ОГПУ. В 1934 году по мобилизации ЦК ВКП(б) направлен на работу членом Верховного суда РСФСР. С 1939 года служил в Советской Армии на оперативной работе. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы работал в органах НКВД.

В конце июня 1919 года стало известно о формировании 49-й Оренбургской дивизии. Я уже был членом Коммунистической партии и получил назначение на должность помощника комиссара, а потом комиссара одного из полков этой дивизии. Расставшись с 210-м полком, я выехал в новый полк, который только что начал свои операции против Уральских белоказаков. В конце июля я прибыл в штаб 3-й стрелковой бригады 49-й дивизии, в станицу Мухраново. Бригада эта была создана весной 1919 года в Симбирске из рабочих города, значительная часть которых была коммунистами, и из трудящихся крестьян губернии. В бригаде сперва было два полка: 1-й Симбирский рабочий полк и 2-й Интернациональный полк. Вскоре Симбирский рабочий полк получил номер 439, а Интернациональный – 440-й. Позднее число полков бригады увеличилось.

Бригадой командовал коммунист В.Г. Пеньевский, член Симбирского губисполкома. Комиссаром бригады был А.М. Измайлов, тоже член Симбирского губисполкома. Его вскоре сменил товарищ Киселёв, а с сентября комиссаром стал товарищ Пудов – мой соратник по 210-му полку. Начальником штаба бригады был Кокурешников - Ховрин, бывший офицер старой армии. На бригаду было возложено обеспечение правого фланга 49-й дивизии в районе Илецкого городка, с последующей задачей содействовать 25-й Чапаевской дивизии в разгроме армии генерала Толстова.

Из штаба бригады я отправился в свой полк, на хутор Яман на правом берегу Урала. Полк имел до 1000 бойцов, 6 пулемётов и 2 лёгких орудия. Командир полка Н.Т. Фокин и комиссар Кокрянцев встретили меня радушно и ознакомили с обстановкой и моими задачами. Полк, продолжая наступление, вышел на правый берег Урала и был передвинут влево в район Илека и станицы Мухраново. Здесь он сменил 434-й полк переброшенный под Оренбург. Перегруппировка частей была вызвана подготовкой к решительному наступлению от Оренбурга в целях разгрома Южной армии Колчака и соединения с войсками Советской Туркестанской Республики.

3-я бригада 49-й дивизии, действовавшая на правом фланге 1-й армии должна была в предстоящем наступлении выполнить роль сковывающей группы. Своим наступлением от Илека в Зауральские степи ей предстояло вбить клин между силами колчаковского генерала Белова и Илекским корпусом Уральских белоказачков, чтобы последние не могли помочь колчаковцам под Оренбургом. Форсировав Урал в районе станицы Рассыпной, полк развернул наступление и с ожесточёнными боями занял станицы Затонную и Сухореченскую. В этих боях я на собственном опыте познавал особенности борьбы с Уральскими белоказачками. Классовое расслоение в казачьих станицах низовья Урала не было столь ярко выраженным, как в крестьянской деревне, или даже у Оренбургских казаков. Этими особенностями и объясняется то, что трудовым слоям Уральского казачества понадобились гораздо большие сроки и более тяжёлые уроки, чтобы они отошли от своих атаманов. Запугивая станичников тем, что большевики отнимут у них землю, казачество и привилегии, офицерская верхушка во главе с генералом Толстовым смогла сформировать значительные силы для борьбы с Советской властью.

В боях и походах нашей бригады мы всегда имели дело с превосходящими силами врага, пользующегося к тому же преимуществами конницы, которой у нас почти не было. Вооружение и снабжение у нас были несравненно хуже, чем у белоказачков. В августе-сентябре, например, мы получали подкрепление оружием и боеприпасами только за счёт трофеев, отбитых у противника. Бойцы оборвались, запасов обмундирования не было. И всё же мы наступали, тесня врага шаг за шагом. Вспоминая об этом, снова и снова восхищаешься той могучей силой сознательности, с какой дрались наши герои. Силу эту они черпали у партии, у её народа, правое дело которого они отстаивали, не щадя своей жизни. Уральские белоказачки в борьбе с Советской властью проводили тактику «выжженной земли». Отступая в степь, они уничтожали посевы, запасы продуктов, угоняли с собой скот, колодцы нередко отравляли, пленных, особенно коммунистов, часто убивали.

Фанатичные белоказачки проявляли исключительное упорство в бою. В сентябре в сражении за посёлок Кончубей, в результате штыкового удара 439-го полка было заколото 14 белогвардейцев-пулемётчиков. У всех у них на лбах были венчики, которые по канонам Православной церкви возлагаются на покойника при похоронах. Я спросил пленного вахмистра: что это значит? Он мне объяснил, что Кирсановскому учебному полку 4-й Илецкой дивизии было приказано стоять «на смерть», поэтому всех рядовых и офицеров и снабдили такими венчиками. Слепая злоба, непримиримость и грубое коварство Уральских белоказачков проявились во время наступления 439-го полка на станицу Затонную. После длительного и изнурительного для обеих сторон боя в рядах отступающей конницы врага появился белый флаг. С ним на окраину станицы вышла с хлебом-солью группа бородатых стариков. Но стоило нашим конникам приблизиться к «хлебосольным» старикам, как по нашим был открыт огонь. Белый флаг был грубой провокацией.

Однако определённая часть трудовых казаков, особенно из числа бывших фронтовиков, находилась в армии генерала Толстова только по принуждению и стремилась прекратить борьбу с Советской властью. Мы знали об этом и вели среди населения разъяснительную работу, посылая в стан врага листовки и письма. В них мы разъясняли, за что борется партия большевиков, за что воюет Красная Армия и как она поступает с людьми, добровольно отказывающимися от борьбы с Советской властью.

Так, нам удалось списаться со стоявшими против нас в станице Сухореченской двумя взводами белоказачков. Командир этих взводов старший урядник Дронов предложил нам встретиться. На встречу я пошёл за пределы расположения нашего полка вместе с комиссаром 2-го батальона Тамердином Салехутдиновым и своим ординарцем А.Е. Андреевым.

Делегация белоказачков во главе с Дроновым ожидала нас в двух километрах от Сухореченской. Встретили мы их любезно, угостили папиросами. Договорились, чтобы казаки привели с собой всю Сухореченскую сотню. Через два дня Дронов известил, что он ожидает нас с двумя взводами, с пулемётом «Льюис» в том же месте. Обмана не было, и казаки перешли к нам. Приняли мы их хорошо. Дронов вскоре был избран председателем Сухореченского станичного Совета и очень активно помогал нам в борьбе с белоказачками.

Излюбленным тактическим приёмом Уральских белоказачков было внезапное нападение превосходящими силами с расчётом вызвать среди наших бойцов панику, а затем беспощадно расправиться с ними. Особенно часто подобная тактика применялась белоказачками во время нахождения наших частей на марше. Внезапные нападения на занятые нашими частями рубежи совершались реже и преимущественно ночью. Тактика противника вытекала из самой природы такого рода войск, каким являлась кавалерия с присущей ей подвижностью. В условиях маневренной войны это составляло её преимущество.

В ряде боёв мы выработали свою тактику, которую противопоставляли тактике хитрого, весьма подвижного противника. Мы, прежде всего, противопоставляли ему нашу выдержку, железную дисциплину огня, строгий порядок охранения на марше и круговую оборону занятых рубежей. Кроме того, изучив «мудрость» вражеской тактики, мы скоро убедились в её шаблонности. Поэтому мы не только успешно отражали наскоки врага, но и наносили могучие ответные удары, заканчивая бой победой.

29 августа 439-му полку было приказано занять станицу Успенскую. В тот же день полк под командованием Коняева, сменившего Н.Т. Фокина, выступил для выполнения этого задания, оставив в Сухореченской одну роту. Форсировав реку Илек, мы завязали бой на подступах к Успенской. Противник, не проявлявший активности во время нашей переправы, внезапно значительными силами обрушился на наш левый фланг, пытаясь прижать нас к реке. Беглым огнём артиллерии он разрушил переправу в нашем тылу, отрезав нам возможность для отступления на исходные позиции. Завязался ожесточённый бой, длившийся до поздней ночи. Противник настойчиво, но тщетно пытался смять наш левый фланг. Одновременно он сильным пулемётным огнём не давал возможности нашему правому флангу, приблизиться к Успенской, ворваться в станицу.

Полку пришлось окопаться и провести тревожную ночь в одиночных, наскоро вырытых окопах. Рано утром 30 августа бой возобновился с прежней силой. Мы не ограничивались обороной, а сами атаковали противника. К 10–11 часам утра Успенская была взята, приказ командования бригады был выполнен, хотя и с некоторым опозданием. В этом бою мы захватили несколько пленных и один пулемёт. От пленных стало известно, что настойчивые и непрерывные конные атаки белоказачков на наш левый фланг стоили им очень дорого, около 100 убитых и раненых.

Вскоре после взятия Успенской на должность командира полка был назначен Михаил Тимофеевич Фокин – брат Н.Т. Фокина. В начале сентября, используя свой излюбленный приём внезапного окружения, белоказаки нанесли поражение несколько оторвавшемуся от бригады правофланговому 441-му, бывшему Рязанскому, полку. Создалась угроза захода конных частей противника в тыл штаба нашей бригады.

В связи с этим командир 3-й бригады В.Г. Пенъевский приказал 439-му полку совместно с батальоном 440-го полка овладеть посёлком Кончунбаем и затем продолжать наступление на станицу Приуральную, расположенную на левом берегу Урала, занять её, обеспечив этим брод через Урал. Наш полк совместно с приданным батальоном 13 сентября на рассвете выступил из Берёзовского на Кончунбай. Войск противника мы долго не встречали. Лишь на левом фланге приданный батальон вступил в соприкосновение с белоказаками, откуда слышалась сильная пулемётная и ружейная стрельба. Вскоре командир батальона донёс, что он напоролся на сильную засаду и подвергается непрерывным атакам конницы. Батальон несёт тяжёлые потери, среди раненых комиссар 440-го полка товарищ Громов.

Командир полка решил быстрее ввести в дело резерв и помочь левофланговому батальону. Вскоре положение на левом фланге было восстановлено. Тогда противник обрушился конницей на правый фланг полка, подошедший уже к Кончубаю. Эскадрон полка под командованием И.П. Бочкарёва отражал одну атаку за другой. Бой принял ожесточённый и затяжной характер. Выбрав момент, командир полка М.Т. Фокин подал команду для штыковой атаки. Стрелковая цепь во главе с командиром 2-го батальона коммунистом И.В. Капусткиным под прикрытием сильного артиллерийского огня нашей батареи ворвалась в Кончубай, оставив за собой трупы белогвардейцев. Первыми ворвались красноармеец 2-й роты Д.И. Зайцев и красноармеец 3-й роты А.И. Конюжнов, прикончившие штыками пулемётчиков врага. Конюжнов, уже раненый, продолжал уничтожать белогвардейских пулемётчиков. Около каждого заколотого пулемётчика находилась гора цинковых коробок и расстрелянных гильз. На головах белогвардейцев были пресловутые венчики смертников.

За этот подвиг Д.И. Зайцев и А.И. Конюжнов были награждены орденами Красного Знамени.

После занятия Кончубая надо было овладеть бродом у станицы Приуральной. Мы поручили это кавалерийскому эскадрону под командованием И.П. Бочкарёва, приказав удерживать брод впредь до подхода полка. Бочкарёв, коммунист, являлся мастером партизанской борьбы, кавалерийских рейдов по тылам врага. Задания он выполнял точно. За своё бесстрашие и находчивость он был награждён орденом Красного Знамени.

На другой день на рассвете полк выступил в сторону Приуральной. Не успела сняться с позиции арьергардная рота, как наши передовые разъезды натолкнулись на засаду врага и завязался бой. В течении нескольких минут с тыла, флангов и фронта появились густые лавы конницы противника. Наша гаубичная артиллерия открыла ураганный огонь. Не имея возможности посоветоваться с командиром полка, я принял на себя командирские функции на своём участке. Вместе с начальником пулемётной команды Буровым организовую массированный пулемётный огонь по наступающей коннице. Буров сам берётся за пулемёт и скашивает более 150 белоказачков. Бой усиливается. Несмотря на тяжёлые

потери от губительного огня, противник продолжает бросать в атаку новые и новые силы. Но безуспешно. Огонь пулемётов, артиллерии, стрелковых цепей парализует противника, наносит сокрушительный урон его живой силе. Белоказаки были вынуждены отступить, понеся тяжёлые потери.

Полк продолжал выполнять боевую задачу и к вечеру того же дня занял станицу Приуральную. Угроза захода белоказачков в тыл нашей бригады была ликвидирована. Своими активными действиями полки 3-й бригады 49-ой советской дивизии успешно выполнили поставленную им задачу обеспечения правого фланга 1-й армии в период разгрома ею Южной армии Колчака в августе – сентябре 1919 года. 3-я бригада сковала большие силы 2-го Илекского белоказачьего корпуса и не только не позволила ему прорваться в тыл советской Оренбургской ударной группы, но и отбросила его от Урала к реке Утве. Тем самым были расчленены силы Оренбургского и Уральского белого казачества в момент решающих боёв под Актюбинском и соединения с Советским Туркестаном. 10 октября Приказом командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе была образована Илекская группа 1-й армии со специальной задачей разгромить окончательно 2-й Илекский белоказачий корпус. Он группировался в полосе рек Утвы и Барбастау, где под командованием генерала Акутина готовился к новым действиям против Уральска и для захвата участка железной дороги Самара – Оренбург.

В состав советской Илекской группы вошла и наша 3-я бригада. Кроме 439-го и 440-го, в неё было включено ещё три полка: 436-й (бывший Самарский), 441-й (бывший Рязанский) и Мусульманский. Во второй половине октября наш 439-й полк перешёл в наступление. На этот раз Красная Армия имела в целом численный перевес над врагом. Но противник ещё обладал преимуществом быстрого маневрирования конницы и широко использовал его. 20 октября более 6-и полков противника с артиллерией, траншейными орудиями и большим количеством пулемётов пытались окружить и уничтожить наш 439-й и 440-й полки.

439-й полк находился на марше в районе Бурлинского базара с тем, чтобы совместно с 440-м полком взять этот крупный населённый пункт. Подход 440-го полка задержался, живая связь с ним временно нарушилась. Чтобы не выдвигаться далеко вперёд, мы сделали привал в ауле Бис-Тау. Разведка донесла о движении в сторону аула больших масс конницы с пулемётами и артиллерией. Противник находился в 2–3 километрах, его движение просматривалось в бинокль. Пользуясь удобными подходами, противник силами более трёх полков конницы и батальона пехоты повёл наступление на наше расположение. Мы заняли круговую оборону в ауле Бис-Тау. Противник быстро окружил наши позиции плотным кольцом, лишив нас связи с внешним миром. Завязался ожесточённый бой. Противник за 2-3 часа выпустил по расположению полка более 600 снарядов. Аул Бис-Тау запылал. Оборона осложнялась тем, что позиции полка хорошо простреливались пулемётным огнём с высоты, занятой противником. Мне пришлось возглавить цепь красноармейцев расположенную у подножия этой высоты. Мы пытались захватить её. Однако сильный пулемётный огонь вынудил нас отойти. Полк нёс серьёзные потери. Был ранен осколком снаряда командир 2-го батальона И.В. Капусткин. Но этот храбрый коммунист остался в строю. Был ранен комиссар 1-го батальона Гуров, а вслед за ним и командир батальона Кутузов, тяжёлое ранение получил командир полка М.Т. Фокин. Пуля пробила ему кость правой руки выше локтя. Фокин долго ещё командовал, пока силы не

покинули его. Самоотверженность командира полка была отмечена в Приказе Реввоенсовета Республики, его наградили орденом Красного Знамени.

Создавалась обстановка, грозящая полку разгромом. В командование вступил помощник Фокина – А.С. Семёнов. В прошлом учитель и офицер старой армии, чуваш по национальности. Семёнов был опытным и авторитетным командиром. Организуем новую попытку штурма злополучной горы, с которой огонь противника буквально сковал нас по рукам и ногам. Штурм этот, поддержанный огнём нашей артиллерии, удался, хотя и стоил жизни славного пулемётчика Савенко. Одновременно с этим начальнику пулемёта конной разведки С.Ф. Белякову и красноармейцу той же команды П.Е. Андрееву удаётся прорваться через цепи противника с донесением в штаб бригады, в котором Семёнов сообщал о тяжёлом положении полка.

Противник полагая, что семичасовой бой сломил наши силы, предпринял конные атаки с намерением завершить разгром полка. Однако и на сей раз командование белоказачьей дивизии просчиталось. Даже ранение командира полка не поколебало наших бойцов. Руководство боем мне пришлось взять полностью на себя. Моим помощником стал председатель полковой партийной организации товарищ Савельев. Я категорически запретил впредь до общей команды стрелять по наступающему врагу. Атаки белых не удались, так как они не знали, где мы, в каком месте ждём их.

...Лавы атакующей конницы, обгоняя пехоту, ринулись на наше расположение и были уже в 500 -600 метрах. Но по нашей цепи настойчиво передавалась команда: «Не стрелять!» Рабочие – бойцы – Волжане и Оренбуржцы, - закалённые в боях с конницей, знали, что это значит. И когда атакующие приблизились на расстояние 200 метров, цепенящее молчание на наших позициях нарушила, наконец, резкая команда: «Огонь!»

Шквал огня девяти пулемётов, оружейный и артиллерийский огонь обрушился на конницу врага на сравнительно узком фронте. Проходит несколько жутких мгновений, и атака белоказачков захлёбывается. Пулемёты же прицельным огнём продолжают косить уже поворачивающих вспять белоказачков. Меткий огонь героев-пулемётчиков во главе с Буровым всюду настигает их. Конная разведка Бочкарёва преследует в беспорядке отходящего противника. Белоказачки оставляют на поле боя многие сотни убитых и раненых, около 50 человек попадает в плен.

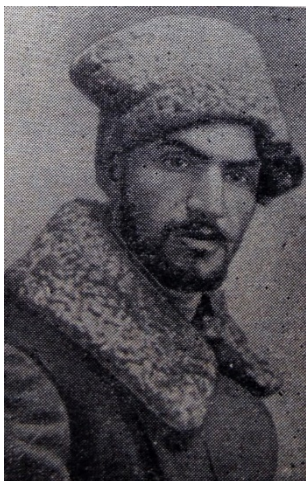
Так закончилось кровавое побоище у маленького, расположенного между пятью горами аула Бис-Тау. В этом бою наш полк понёс также серьёзные потери, до 60 человек только ранеными. Очень сильно пострадало от артиллерийского огня местное население, которому прятаться было некуда. На другой день рано утром, перед выступлением из Бис-Тау, к нам прибыли связные из 440-го полка. Его командир товарищ Гайдаров сообщал, что противник одновременно с окружением нашего полка намеревался нанести удар и по его полку. Однако и эта затея кончилась для врага печально.

Стремительно преследуя врага, наши два полка вскоре взяли населённый пункт Бурли. Продвигаясь дальше, 439-й полк занял Алексеевку (Курганный). В результате совместной операции с 440-м полком мы выбили противника из посёлка Тихоновки, выйдя, таким образом в район Джамбейтинской ставки. Справа от нас части 25-й Чапаевской дивизии после некоторой задержки, вызванной гибелью В.И. Чапаева, с новой силой стали громить врага, выйдя на линию Лбищенск – Калмыков. Слева от нас 435-й (бывший 277-й Орский)

полк тоже приближался к Джамбейтинской ставке. Слева от него действовала кавалерийская Башкирская бригада Мусы Муртазина.

Прижатые Красной Армией к Каспийскому морю, войска белоказачьего генерала Толстова в январе 1920 года были полностью разгромлены. Богатейшая Уральская область получила возможность приступить к восстановлению разорённого Империалистической и Гражданской войнами хозяйства.

Курач Павел Селивёрстович

Курач Павел Селивёрстович (1894-1937) Член Коммунистической партии с ноября 1917 года. Один из организаторов подпольной Красной гвардии в Оренбурге. После освобождения города в январе 1918 года - помощник начальника Красной гвардии и комиссар 6 района, член Оренбургского Военно-революционного комитета, организатор, а затем помощник командира и командир 1-го Оренбургского Советского казачьего полка. За боевые отличия на фронтах гражданской войны награждён двумя орденами Красного знамени. После гражданской войны - Оренбургский губвоенком. С 1924 года работал в военкоматах.

Шереметьев Александр Степанович

Шереметьев Александр Степанович (1897-1962) Казак из посёлка Переволоцкого. Член Коммунистической партии с июля 1919 года. С конца 1917 года - председатель комитета 8-го казачьего полка, а потом член комитета и начальник 2-й Туркестанской казачьей дивизии. В 1918 году делегат первого Оренбургского губернского съезда Советов, член губисполкома и его революционного штаба, заместитель председателя комиссариата трудового казачества и военный комиссар казачьего войска. С января 1919 года - председатель войскового исполкома и начальник войсковой казачьей милиции. Во время обороны Оренбурга - командир 3-го рабочего полка. В 1920 году - командир стрелкового полка на Польском фронте. В последующие годы был на руководящей партийной, советской, административной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны.

Загаринский Константин Трофимович

Загаринский Константин Трофимович - 1898 года рождения, город Бузулук. С 1914 года слесарь депо на станции Бузулук. В 1918-м красноармейцем в отряде мичмана Павлова участвовал в боях на Оренбургском фронте. В бою под станцией Сырт с белоказаками был три раза ранен. В октябре 1919 активно участвовал в организации комсомола, делегат второго Всероссийского съезда ВКСМ. В подарок съезду привёз 24 пуда сухарей, собранных в "день сухаря". Работал в органах ВЧК, ОГПУ - уполномоченным и начальником информационного отдела Бузулука и Оренбурга. Депутат уездного исполкома депутатов трудящихся Бузулука, участник ликвидации восстания Сапожкова, в 1928-1930 - уполномоченный уездного исполкома по хлебозаготовкам и организациям колхозов, участник ликвидации басмачества в 1923 году, участник ликвидации кулачества 1929 - 30-х годах, участник Великой Отечественной войны, комендант дивизии контрразведки "Смерш". Награждён орденом Ленина и Трудового Красного знамени, медалями "За победу над Германией", "За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне". В день 60-летия награждён именными часами обкома ВЛКСМ Куйбышевской области. Оренбургский обком ВЛКСМ присуждает первую денежную премию за материал по истории комсомола.